

«ПРЕДАТЬ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ СЕЙ СУДУ БОЖИЮ»

Н.В. Середа

Автор статьи показывает, что наиболее частой причиной пожаров в г. Твери было слишком близкое расположение пожароопасных производственных мастерских и жилых помещений. Часто причинами пожара была неосторожность при обращении с огнём. Автор рассматривает отношение горожан и городских властей к случаям непреднамеренного поджога и отмечает отсутствие каких-либо наказаний за неосторожность. Однако наказание было очень суровым, если властям удавалось установить, что поджог был совершён осознанно.

Ключевые слова: городской быт, городская застройка, расследование возгораний, меры наказаний, практика законоприменения, обычное право, ментальность горожан

В отечественной историографии XX в. феномен пожаров часто исследовался в контексте изучения выступлений крестьян, при этом пожары рассматривались как следствие осознанных поджогов, как средство борьбы против помещиков и кулаков¹. В условиях войн и революций за поджоги могли судить военно-полевые суды, приговаривая поджигателей к смертной казни. Поджоги как средство сведения счётов между самими крестьянами в процессе обыденной жизни также становились предметом исследования, но в значительно меньшей степени².

Результаты изучения статистики свидетельствуют³, что количество пожаров, ставших результатом сознательного и доказанного в суде факта поджога, в последней четверти XIX в. колебалась по различным центральным губерниям в пределах от 15 до 23%. Приговорами о вынесении наказаний по делам о пожарах, в том числе ставших следствием непреднамеренного поджога, заканчивалось чуть более 33% дел, в то время как по другим категориям судебных дел к наказанию приговаривали более 50% обвиняемых⁴.

¹ См., например: *Шацлло К.Ф.* 1905 год. М., 1980. С. 145–146. По сведениям автора, в годы революции 1905–1907 гг. была уничтожена 1/15 часть всех помещичьих усадеб. Факт увеличения численности пожаров вследствие «проявлений злой воли некоторой части населения» в условиях переживаемого Россией в конце XIX – начале XX в. кризиса отмечали на своих совещаниях представители добровольных пожарных дружин, активно создававшихся как раз в этот период для тушения пожаров. (См., напр.: Совещание представителей любительских пожарных дружин и обществ четырех уездов Тверской губернии. 22–24 мая 1911 г. Тверь, 1911. С. 25).

² См., например: *Френк С.* Поджоги в провинциальной России в конце XIX – начале XX века (по материалам Рязанской губернии) // Региональная история в Российской и зарубежной историографии. Рязань, 1999. С. 118–123.

³ Пожары в Российской империи в 1875–1782 годах. М., 1887; Пожары в Российской империи в 1888–1894 годах. СПб., 1897. Данные о количестве пожаров имеются также в отчетах губернаторов.

⁴ *Френк С.* Указ. соч. С. 119, 121, 123.

К сожалению, в распоряжении историков нет аналогичной статистики применительно к более раннему времени⁵. Вопрос о мерах наказания за преднамеренные и непреднамеренные поджоги в условиях обывденной жизни в исторической литературе, насколько нам известно, не рассматривался. Между тем он заслуживает внимания, поскольку позволяет судить не только о практике законоприменения, но и об отношении населения к подобным преступлениям, т. е. об уровне развития правового сознания общества. Ценный материал по данному вопросу содержат дневники и мемуары тверского купечества, а также комплекс решений Тверского городского магистрата по различным категориям судебно-следственных дел за период с 1808 по 1865 гг.⁶, который обнаружен нами в составе архивного фонда Тверского городского магистрата.

В памятных личного происхождения, прежде всего в дневниках и мемуарах, находим наиболее яркие свидетельства о случаях преднамеренных поджогов. О целой серии пожаров в г. Торжке в конце 30-х гг. XIX в., ставших следствием поджогов, свидетельствуют записи дневника новоторжского купца Ивана Николаевича Масленникова.

Так, пожары в Торжке случились 9 и 14 мая 1839 г. В первый раз в Пятницком приходе сгорело семь домов, 14 мая в Солдатской слободе сгорело ещё три дома. Описывая пожар, произошедший 9 мая, И.Н. Масленников в дневнике отмечает: «И в самое тое время *зажжены были* [выделено курсивом мной. – Н.С.] мясные лавки неизвестно кем»⁷.оборот «зажжены были неизвестно кем» позволяет предполагать наличие у населения города уже и в тот момент подозрений, что пожары произошли по чьему-то злому умыслу. В июне того же года в Торжке случился ещё один пожар, в числе трёх сгоревших был дом священника Покровской старообрядческой церкви Григория⁸. Масленников скорее всего не случайно называет имя лишь одного из погорельцев: подозрения в «злоумышленности» поджогов оставались, население искало их причину, и чьё-то желание расправиться со священником старообрядческой церкви рассматривалось ими как вполне возможная причина поджога.

В мае 1840 г. пожары начались с новой силой. В течение месяца в городе и окрестностях было зарегистрировано 5 возгораний. В общей сложности, по сведениям И. Масленникова, сгорело по меньшей мере 32 дома. Среди погорельцев были Турочкины и Любанский, а также дома священнослужителей, однако их фамилии автор не сообщает. У самого И. Масленникова сгорел дом и солодовенный завод. Стоит отметить, что семейства Масленниковых и Любанских относилось к числу старообрядческих, возможно, к расколу принадлежали и Турочкины. О том, что Масленников (возможно, что и не только он) подозревал в поджогах врагов раскольников, сомнений нет. Причина же, открывшаяся позже, явно его потрясла. 26 мая случился пожар в доме Якова Свешникова, «и оное зажигательство открыло злодейскую шайку зажигателей в 12 человек разного сословия бродяг. Единственно зажигали для грабежа». Под-

⁵ Некоторый материал по этому вопросу можно найти в отчетах губернаторов и в работе: *Славутинский С.* Пожары и поджоги в провинции. М., 1862.

⁶ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Данная единица хранения сформирована в ходе деятельности Тверской учёной архивной комиссии по разбору документов городских учреждений. Сами судебно-следственные дела подлежали уничтожению.

⁷ Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. М., 2007. С. 389.

⁸ Там же. С. 390.

жог как средство борьбы с «идейными противниками» душа Масленникова видимо приняла бы легче, чем выявившаяся в ходе следствия цель поджигателей – грабёж.

Нельзя не отметить, что поджигатели не просто «были отысканы», но и «осуждены с наказанием: отосланы в каторжную работу». В данном случае налицо яркий пример наказания за злоумышленный поджог, что воспринималось обывателями и судьями как «злой умысел», достойный столь сурового наказания. Интересным представляется и оборот «осуждены с наказанием»: он ярко контрастирует с содержанием результатов большинства расследований и судебных разбирательств конца XVIII – первой половины XIX в. по поводу возгораний, которые, как правило, не приводили к наказанию виновных.

Впрочем, в повседневной жизни горожан пожары были очень частым явлением, ведь в большинстве российских городов вплоть до середины XX в. преобладала деревянная застройка. Вокруг жилых домов располагались хозяйственные постройки – бани, сараи для хранения небольших запасов сена и редко употребляемой домашней утвари, помещения для содержания мелкого домашнего скота и птицы. В средневековье и раннее новое время вокруг домов располагались также производственные помещения, где выполнялись ремесленные работы и другие виды деятельности, которые давали средства к существованию. Вредные для здоровья или таившие в себе опасность пожара производственные помещения, такие, как кузницы и солодовни, располагались в непосредственной близости от жилых и спальных помещений в XVII – XVIII вв. и даже в начале XIX в. В Твери, которая издавна славилась кузнецами (умельцами в производстве замков, гвоздей, игл, сапожных скоб, рыболовных крючков и других мелких изделий⁹), известны случаи, когда в 30-х – 40-х гг. XIX в. кузницы тверских жителей располагались непосредственно на территории городских усадеб, практически в центре города, что негативно сказывалось на пожарной безопасности города.

Одним из наиболее интересных с точки зрения деталей и обстоятельств возгорания и тушения пожаров в помещениях производственного назначения является решение суда по делу о «сгоревшей у тверского мещанина Тимофея Евдокимова Митюрева на огороде его состоящей кузнице», которое слушали в магистрате 23 мая 1845 г. Из показания Митюрева становится известно, что «22 числа февраля сего года был он в своей кузнице, состоящей у него на огороде, дляковки мелкого гвоздя. В коей вместе с ним производили такую работу сыновья его Андрей и Иван Тимофеевы и товарищи, тверские же мещане Иван Иванов Кожевников, Михайла Евстифеев Понамарев и брат его родной Алексей. И для этой работы обыкновенно в горне производился огонь в небольшой степени. А часу в девятом пополудни они, залив в горне огонь, разошлись по домам, но часу в двенадцатом или первом постучал в раму окна его тверской мещанин Иван Кожевников, говоря, что кузница его загорелась»¹⁰.

Буквально в самом центре Твери оставались в начале XIX в. и другие, не менее пожароопасные и вредные для здоровья окружающих лиц производственные предприятия-лилипуты. Особенно много среди них было солодовенных «заводов». Но пожары происходили и в домах тех горожан, кто не занимался солодоращени-

⁹ Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 39–45, 62–64 и др.; Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 193–194; Виноградова Е.И., Виноградов А.Д. Тверь XVI–XVIII вв.: Очерки истории и экономики. Тверь, 2002.

¹⁰ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 217–217 об.

ем, не изготавливал глиняных изделий, и не производил кузнечных работ. Печь и самовар – обязательные атрибуты жилых помещений россиян – также создавали постоянную опасность возникновения пожаров. Чаще бытовые пожары возникали в зимний период, когда печи топились в домах ежедневно, а иногда и по два раза на день. Так, 8 января 1830 г. произошел пожар в доме тверского мещанина Михаила Спиридоновича Лошкарева. В момент, когда в сенях дома произошло возгорание, все взрослые, кроме жены Михаила Авдотьи, были у заутрени, Авдотья же с малолетними детьми осталась дома. В результате пожара «сгорел дом и все строение их, а также была разобрана избушка соседки мещанки Елены Былинкиной»¹¹.

Часто горели бани, а от них огонь в случае сильного ветра мог распространиться не только на дом владельцев, но и на постройки соседней. Обстоятельства возникновения пожара в 1834 г. в бане Авдотьи Филипповны Таракановой были совершенно заурядными. «2 мая поутру, когда случился пожар, она Тараканова топила при доме своём баню, на огороде находившуюся. И, вымывшись, вышла из оной, не слышав никакого смраду и дыму. После того спустя несколько часов увидела, что снаружи бани, на крыши оной полыхает огонь. И при сильном ветре загорелись как её, Таракановой, так и мещанки Дьячковой надворные строения и дома»¹². Не менее часто горели расположенные на усадьбах хозяйственные постройки – амбары, хлева, погреба.

Все случаи произошедших возгораний расследовались городской полицией и затем рассматривались в магистрате – судебном учреждении для горожан. Решения магистрата по поводу случаев возгораний отличаются пространностью и, в полном соответствии с правилами коллежского делопроизводства, повторяют содержание всех основных документов следствия. Именно благодаря этому они позволяют установить ход следствия по фактам возгораний и законодательные основания для вынесения судебных решений.

Изучение текстов решений магистрата позволяет утверждать, что до 40-х годов XIX в. следствие и суд проходили достаточно формально, в ходе их управленческие структуры стремились получить подтверждение, что не было преднамеренного поджога с чьей-либо стороны. Устанавливалось это очень просто: необходимо было устное заявление со стороны самих погорельцев и соседей о том, что никто из них не совершал поджога умышленно, не нарушал предписанных правил противопожарной безопасности и не видел подозрительных людей – потенциальных поджигателей.

При объяснении причин возгорания сами виновники происшествия, полиция и судьи придерживались одного из нескольких основных вариантов: воля божья, не осторожность хозяев, технические повреждения отопительных систем и искра пламени свечи или огня, разведённого для осуществления какой-либо хозяйственной или производственной функции. До 40-х гг. XIX в. наиболее часто пожар объяснялся «волей божьей» и не достаточной осторожностью при обращении с огнём. В российском законодательстве были положения о необходимости осторожно обращаться с огнём свечи и о том, что нечаянный виновник пожара должен возместить потери владельцу сгоревшей собственности¹³, поэтому хозяева дома или

¹¹ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1855. Л. 103–103 об.

¹² Там же. Л. 135.

¹³ Артикул воинский. Ст. 87; Свод законов. Т. 15. СПб., 1833. Ст. 688.

усадыбы, где произошло возгорание, всячески старались доказать свою осторожность в обращении с открытым огнём. Так, например, на том, что никто «с огнём на двор ночью и в хлев ни за чем не ходили», делали акцент члены семьи Григория Пешехонова. От пожара, начавшегося в их хлеву в 1837 г. сгорел не только флигель семьи Григория, но и флигель его брата Александра и дом Михаила Пешехонова, а дом Дорофея Пешехонова «для прекращения огня был разобран»¹⁴. Никифор Иванович Седов, в доме которого зимой 1827 г. случился пожар заявил, в своих показаниях, что с утра работница печей в комнатах не топила, и на чердак, где и случилось возгорание, никто со свечей не ходил¹⁵.

В качестве возможных причин пожара пострадавшие часто выдвигали версию технологических нарушений или технических неисправностей, наличие трещин в печах и трубах и т. д. Уже упоминавший Н.И. Седов считал, что единственной причиной возгорания на чердаке его дома могла стать «трещина внизу боровов от печей приведённых, что ему **совершенно видеть было нельзя** (выделено мною. – Н.С.)»¹⁶.

Однако даже в тех случаях, когда причина пожара была выявлена и заключалась либо в халатности и неосторожности определённых людей, либо в технических неполадках, проистекавших опять таки из невнимательности и неряшливости, люди не привлекались к ответственности. Дело о пожаре в доме Н.И. Седова, случившемся, скорее всего, как установило расследование, по причине наличия трещины в трубе, было закрыто. Суд решил, что Седов «к зажжению же никакого намерения не имел и чтобы кто-либо таковой пожар учинил с намерением, сомнения никакого не полагает». Это было сделать тем более легко, что «вреда и убытков никому из посторонних людей от пожара сего не причинено»¹⁷. Дело закрыли, не взяв даже подписки с хозяина в необходимости быть осторожнее.

В ходе расследования причин пожара в доме Петра Аваева, который произошёл зимой 1815 г., напротив, было установлено, что он случился «ни от чего другого, как только, когда Петра Аваева невестка, а сына его Дмитрия жена, Аксинья Михайлова, ходила на двор запирасть ворота и смотреть скот с огнем, и оной каким-либо образом заронила». Однако в ходе следствия со стороны магистрата «никаких сомнительств не открылось, повальным обыском (Аксинья. – Н.С.) одобрена, судимою ни за что не оказалась», поэтому суд и в данном случае ограничился вынесением предупреждения, чтобы Аксинья впредь была более осторожна¹⁸.

Следует отметить, что, начиная с 40-х гг. XIX в., процесс расследования причин пожара стал более тщательным, полиция уже не ограничивалась расспросами самих погорельцев и их соседей. Она привлекала к расспросам множество других людей, которые должны были высказать свои соображения относительно причин пожара и подтвердить благонадёжность хозяев помещения, где произошло возгорание. Эта процедура называлась «обыском». Содержание таких показаний передано в решениях суда по делам о пожарах весьма кратко. «Соседи мещанина Митюрева, всего 13 человек, под присягою показали, что от чего загорелось у мещанина Митюрева собственно ему принадлежащая кузница, им не известно, а пола-

¹⁴ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 161–161 об.

¹⁵ Там же. Л. 79–81.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 9–9 об.

гают, что каким либо образом вкралась искра огня в стену или крышу». Целью таких «обысков» было выявление возможных злоумышленников. Такие тщательные расследования причин пожара вошли в практику после случаев злоумышленных поджогов в Торжке, которые были описаны в дневнике И. Масленникова¹⁹. Полиции было важно удостовериться, что жители «подозрений ни на кого не имеют»²⁰.

С этого времени стали производиться также обследования сохранившихся в ходе пожаров остатков строений, однако ужесточение требований к расследованию не повлекло за собой увеличения числа наказаний за возгорания. Судьи ограничивались тем, что в особые определения магистрата, начиная с 1840-х гг., обязательно стали вводить фразу, что полиция должна и в дальнейшем искать «истинную причину пожара».

Показателен следующий случай. 31 декабря 1842 г. случился пожар у Шарлоты Галиан – вдовы известного знатока литературы и истории как Гальяни, владельца знаменитой гостиницы, где останавливался А.С. Пушкин. И хотя документы говорят о пожаре в доме, но речь идёт явно о гостинице. На основании «разломания в комнате под № 1 голландской израсцовой печи» следствие пришло к выводу, что пожар «последовал в деревянной из бревён переборки, которой прогорело на один аршин и два вершка, но от чего оной произошёл, не известно, а вероятно от имевшейся в той печи, которая после разломана, трещины»²¹. Таким образом, факт наличия трещины был установлен, но это не стало причиной наложения взыскания на владелицу гостиницы.

После пожара в кузнице Митюрева полиция также произвела детальное исследование остатков строения. «По свидетельству ж той кузницы оказалось, что она с крышею сгорела, а нижние части её полагательно до 8 венцов, бревна хотя несколько обгоревши, но остались целы»²². Такое состояние строения, по мнению полиции, подтверждало, что причиной пожара была искра, «вкравшаяся в крышу или стену» из-за сильного ветра. Установив, что нет оснований думать о преднамеренном поджоге и что убытков никто кроме Митюрева не понёс, решили «Митюрева от суда и всякой ответственности освободив, предать несчастной случай сей до открытия в том виновных суду божию, вменив между тем градской полиции в обязанность к обнаружению истинной причины пожара иметь строгое и внимательное наблюдение»²³.

Причиной пожара, случившегося в доме мещанки Анны Афанасьевны Тутанской в этот вечер, когда происходил « по случаю назначения дочери её к супружеству девичник», скорее всего стала искра от свечи. Пожар начался в кладовом чулане между флигелем и задними покоями, где для гостей был поставлен самовар, и во время чаепития, когда кто-то открыл дверь «в ту их комнату», то увидел пожар. Хозяйка ничего дальнейшего не помнит от беспамятства. Она говорит, что с огнём из комнат «никуда выходу не имела». В противоположность хозяйке гости и работник свидетельствовали, что хозяйка часто ходили в чулан со свечью²⁴. Это и не удивительно, ведь желание устроить праздник для дочери и её гостей потребовало много хлопот, а необходимость напоить гостей чаем сопровождалась много-

¹⁹ Купеческие дневники и мемуары... С. 389–390.

²⁰ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 217 об.–220.

²¹ Там же. Л. 189–189 об.

²² Там же. Л. 217 об.–220.

²³ Там же. Л. 21 об.

²⁴ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 163–166.

кратными переходами из комнаты в комнату, выходом в чулан, где скорее всего хранились припасы, а также в комнату, где был поставлен самовар. От создававшегося сквозняка искра от огня свечи вполне могла стать причиной пожара в деревянном строении.

Тем не менее дело об этом пожаре «предали суду божьему», т. е. закрыли, не смотря на то, что сгорели не только дом и флигель Тутанских, а также дома соседей – мещан Ильи Кобылина, Михайлы Иванова Путилова, Валдайского, Андрея Михайлова Шупкина. Дело закрыли, потому что никто не был заподозрен «в поджигательстве», как некоем преднамеренном действии. Хозяева и гости и судьи сошлись во мнении, что, скорее всего, пожар произошёл случайно²⁵.

Как видим, в большинстве случаев магистрат не выносил решения о наказании, даже если вина отдельного человека или семьи в целом в возникновении пожара была доказана. Судебное решение сводилось, как правило, к предписанию взять подписку с лица, по вине которого произошёл пожар, что впредь он будет более осторожным. По сути судьи, своими решениями не наказывали, а всего лишь внушали правила поведения и обращения с огнём, воспитывали чувство ответственности перед членами своей семьи и соседями.

В качестве оснований для вынесения подобных решений в судебных документах фигурируют достаточно стандартные подборки законодательных статей. В XVIII – начале XIX в. судьи обычно принимали решение на основании пунктов 9 и 10 из пятой главы второй части «воинских процессов». Указывая номера статей закона, послуживших основанием для вынесения приговора, канцеляристы их обычно не цитировали. Исследование текстов законодательства позволяет утверждать, что оборот «воинские процессы» имеет в виду нормы, содержащиеся в «Кратком изображении процессов или судебных тяжёб»²⁶. Статьи 9 и 10 предусматривали использование в качестве одного из четырёх способов доказательства невиновности человека принесение им так называемой «очистительной присяги».

Сакральный смысл принесения такой присяги отражает 8 статья этого законодательного памятника. Она гласит следующее: «... когда ответчик присягу учинить может и оную учинит, тогда судья довольное имеет основание приговор учинить и его от наказания освободить, понеже в сей присяге сия сила есть, что когда ответчик оную учинил, то уже от наказания и дальнего обвинения освобожден быть может». Однако следующая, 9 статья, предусматривает возможность отказа подозреваемого от принесения присяги. Удивительно, но даже и в этом случае он мог быть оправдан, «понеже к свидетельствованию явные и довольные требуются доказы, того ради судье надлежит в смертных делах пристойным наказанием его наказывать опасаться, но тем паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть 10 виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить».

Как видим, статья 9 провозглашала совершенно гуманистический принцип ведения судопроизводства и вынесения наказаний: «лучше есть 10 виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить». Именно основываясь на нём, дела можно было, следуя статье 10, «передать воле божьей и положиться в том весьма на бога, пока впредь само объявится» Важнейшая часть всех принимаемых решений выглядела примерно так же как в деле о пожаре в солодовне

²⁵ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 163–166.

²⁶ Это одно из приложений к Уставу воинскому. См.: ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. V. № 3006. С. 382–411.

Бушмарина. Дело «на основании воинских процессов 2 части, 5 главы, 10 пункта надлежит передать воле божьей», обязав при этом «хозяина Бушмарина и работника крестьянина Фадея Герасимова подпискою, дабы впредь в подобных случаях имели крайнюю осторожность»²⁷.

Иногда судебные решения выносили на основании 87 статьи «Артикула воинского»²⁸. В единственном мне известном случае, когда судебное решение приводит текст данной статьи, изложение выглядит следующим образом: «ежели учинится пожар с умыслу, тогда виновный в том наказан будет яко зажигальщик. А буде же не винно и от неосторожности внезапно, тогда оный от наказания свободен быть имеет, ибо о внезапном случае никто ответу дать не должен»²⁹. Следует отметить, что данный текст судебного решения почти дословно цитирует не саму статью 87, а «Толкование» к ней. Текст «Толкования» в отличие от содержания основной части статьи³⁰, позволял человеку, по вине которого случился пожар, избежать наказания.

Рассматривая случай возгорания в доме Лошкарёвых, судьи при вынесении решения, помимо статей «Краткого изображения», использовали также текст пункта 226 из 10 главы Соборного Уложения³¹. Она предусматривала освобождение от наказания хозяина двора, где произошло возгорание «ненарошным делом», т. е. по неосторожности³².

При этом, решение по поводу пожара в доме Аваевых, случившегося, как установило следствие, именно из-за неосторожного обращения их невестки с огнем, обосновывалось указом от 10 февраля 1763 г. Это был именной указ «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству»³³. Найти в нём основание для решения дел о пожарах достаточно сложно. Единственно, что могло привлечь внимание судей, как нам кажется, это фраза в пункте втором, где речь идет о том, что «истинное их (обвиняемых. – *Н.С.*) признание в винах, избавит их при расспросах от истязания и пыток». Основанное на нём решение выглядело следующим образом: дело «предоставить судьбе божьей, а посадской Ксении Аваевой в предосторожность на будущее время сделать в присутствии строгое предупреждение, с обязательством подпискою и потом от суда сего учинить свободною».

В тексте решения по делу о пожаре в усадьбе Мартыновых, датированном сентябрем 1835 г., впервые встречаются ссылки на статьи Свода законов³⁴. Пожар

²⁷ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 8.

²⁸ Артикул воинский – это также приложение к Уставу воинскому. См.: ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. V. № 3006. С. 401–402.

²⁹ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 135об. Это решение по делу о пожаре, случившемся из-за возгорания в бане Таракановых.

³⁰ Тест самой статьи гласит: «С свечою и с огнем имеет всяк в своей квартире осторожно и бережно ходить, и ежели каким небрежением и виновностию офицерскою или солдатскою пожары в квартирах учинятся, тогда виновный в том имеет убыток по судейскому рассуждению заплатить и сверх того по рассмотрению наказан быть».

³¹ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 103–103об.

³² Данная статья гласила: «А буде у кого загорится двор ненарошным делом и от того и иных людей дворы погорят, и на том, чей двор наперед загорится, никому ничего не правити, потому что дому его запаление учинилось не по его умыслению» ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. I. № 1. С. 50.

³³ ПСЗ. Собр. I. СПб., 1830. Т. XVI. № 11750.

³⁴ Его издание началось в 1832 г. но он вводился в действие с 1 января 1835 г.

возник «в гончарном заведении, находившемся тогда в одной связи с домом её Мартыновой, во время топки из них – Галаховым (работник Мартыновых. – *Н.С.*) в том заведении печи, от пламени, когда дрова разгорелись, в трещину, сделавшуюся в трубе под крышу. В умышленном же зажигательстве как сами не сознались, так равно и от соседки их, мещанки вдовы Аксиныи Блохиной, у коей сгорел так же дом с имуществом, не изъявлено и по производимому градскою полициею исследованию виновных никого не открыто». Учитывая эти обстоятельства, суд со ссылкой на статью 107 пятнадцатого тома Свода законов решил дело предать забвению³⁵.

Следует отметить, что с середины 1830-х гг. писцы не ограничивались указанием номера статьи Свода законов, а, как правило, приводили её текст без сколько-нибудь заметных сокращений. Содержание 107 статьи в пересказе составителей текстов решений звучит обычно следующим образом: «... никто не должен быть судим к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении». Можно сказать, что текст закона передаётся составителями судебных решений практически буква в букву. Статья 107 находится в разделе четвёртом 15-го тома Свода, посвящённого уголовному праву. Она включена в главу «О мере наказания по мере вины», в начале которой судей призывают руководствоваться следующими «главными началами»: «чтобы не налагать наказания паче меры содеянного преступления, и чтобы оказывать себя более милостивым, нежели жёстким, помятуя, что и судья человек есть» (ст. 105)³⁶.

Помимо статьи 107, в аргументации принятия судебных решений достаточно часто используется статья 689 из того же 15-го тома. Она входит в раздел «О наказаниях за преступления против прав на имущества», вторая глава которого целиком посвящена пожарам и называется «О зажигательстве». Всего в неё включены пять статей (№ 685–689). Первая и вторая из них грозят суровым наказанием за «умышленное зажигательство» и сокрытие намерений у кого-либо о нём. Статья 688 провозглашает следующее: «Кто произведет пожар, хотя неумышленно, но по неосторожности, тот должен вознаградить убыток владельцу сгоревшей собственности и сверх того подлежит наказанию по рассуждению суда соразмерно вине». Этот текст напоминает по содержанию статью 87 Артикула воинского, а также статьи 223 и 224 из 10-й главы Соборного Уложения, которые также предусматривали наказание виновника возгорания. Однако судебная практика оперировала, как правило, лишь последней статьёй этого раздела, содержание которой весьма лаконично постановляет: «Кто произведёт пожар совершенно нечаянно, тот не подлежит никакой ответственности».

Иногда статья 689 раздела «О зажигательстве» всё же фигурирует в судебных решениях, обычно это бывает в случаях, когда например, от пожара пострадало значительное количество строений. Именно так обстояло дело при пожаре, случившемся в 1837 г. в доме тверского мещанина Григория Козьмича Пешехонова. От него сгорели жилые помещения ещё нескольких семей, причину пожара полиция, как обычно, установить не удалось, и подозрений ни на кого не было. Основанием для принятия решений судьи взяли не только статью 689, но и ст. 379. Содержание их приводится в тексте решения: «А Свода законов уголовных 15 тома в 689 статье изображено: кто произведёт пожар совершенно нечаянно, тот не под-

³⁵ ГАТО. Ф. 175. Оп.1 Д. 2855 Л. 151–151 об.

³⁶ Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 15. Ст. 105.

лежит никакой ответственности, и 10 тома Свода Законов гражданских в 379 статье: если не умышленно загорится чей либо дом и от того сгорят соседственные дома, то с хозяина того дома, в котором первоначально произошел пожар, никакого взыскания не производится»³⁷. Очевидно, что из всего имеющего в арсенале судей набора статей, в качестве основания для решения суда они берут те, которые позволяют оправдать владельца помещения, где вспыхнул пожар. Статья же 688, которая предусматривала наказание для владельца помещения, где вспыхнул пожар, не приводится ни в одном из текстов судебных решений, вошедших в данное дело.

Даже в тех случаях, когда причина пожара была выявлена и заключалась в халатности и неосторожности определенных людей, либо в технических неполадках, проистекавших опять таки из невнимательности, неряшливости, люди не привлекались к ответственности. В комплексе действовавшего законодательства выбирались те статьи, которые позволяли оправдать владельцев помещений, где произошло возгорание. До издания Свода законов это были пункты 9 и 10 «воинских процессов». Начиная с 1835 г. в качестве обоснования решений фигурировали, как правило, одни и те же статьи первого издания Свода законов – 107, 689, а также статья 1077. Последняя статья практически всегда присутствовала в решении, согласно ей следовало представлять на утверждение губернаторам решения по делам, «по которым судит некого», т. е. по которым не найдены виновные.

После появления в 1842 г. нового издания Свода законов судьи в своих решениях опирались обычно на статьи 803, 1169 и 1176. Первая из них дословно повторяла содержание статьи 689 первого издания Свода законов и позволяла освободить от ответственности того, кто «произведёт пожар совершенно нечаянно». Вторая повторяла содержание статьи 107 из пятнадцатого тома первого издания Свода законов, которая, напомним, провозглашала принцип «никто не должен быть судим к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении».

Именно со ссылками на эти статьи было принято в магистрате в 1845 г. решение по поводу пожара в кузнице Митюрева. Судьи сочли, что поскольку виновных не открыто и причиной, скорее всего, стала искра, «вкравшаяся в крышу или стену», а убытков никто кроме Митюрева не понёс, то дело можно закрыть. Решение обосновывалось тем, что «изображено в статьях: 803 – кто произведёт пожар совершенно нечаянно, тот не подлежит никакой ответственности; по ст. 1169 никто не должен был присуждён к наказанию без точных доказательств или явных улик в преступлении». Этого оказалось достаточно, чтобы «Митюрева от суда и всякой ответственности освободив, предать несчастной случай сей до открытия в том виновных, суду божию, вменив между тем градской полиции в обязанность к обнаружению истинной причины пожара иметь строгое и внимательное наблюдение»³⁸.

Наиболее часто основанием для решения являлась статья 1176, которая представляла собой симбиоз положений прежних законов. Она гласила: «Если доказательства недостаточны для совершенной достоверности в вине подсудимого, то не осуждать его к тому наказанию, которое закон определяет за доказанное преступ-

³⁷ Судебное решение (См.: ГАТО. Ф. 175. Оп. 1 Д. 2855. Л. 161–161 об.) дословно повторяет текст соответствующей статьи 15 тома Свода законов.

³⁸ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 2855. Л. 219 об.

ление, по тому **общему правилу** (выделено мной. – Н.С.), что лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного». Как видим, данная статья закрепляла принцип, провозглашенный в 1723 г. в тексте указа «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» и повторенный в содержании статьи 108: «... лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного».

При принятии решения о невиновности подозреваемого важное значение имел тот факт, что «по обыску», т. е. опросу соседей нечаянный виновник пожара признавался человеком положительным, а по наведённым в учреждениях справкам оказывался ранее не судимым³⁹. Обыски, имевшие целью получить характеристику человека, на которого пало подозрение, традиционно считались необходимым элементом следствия. Применительно к делам о пожарах во всех известных автору статьи случаях они имели своим результатом установление того факта, что владелец помещения, где произошло возгорание, преднамеренного поджога, скорее всего, не совершал. Основываясь на положительной характеристике владельца, используя различные сочетания статей из 15 тома Свода закона, суд выносил решение о том, чтобы хозяев дома, где произошло возгорание, «от всякой ответственности освободить, предать несчастный случай сей суду и воле божией». Это было особенно просто, если «вреда и убытков никому из посторонних людей от пожара сего не причинено»⁴⁰. Но даже в случаях, когда соседи пострадали, принимаемые судом решения и статьи, выбираемые в качестве основания для решения, позволяли закрыть дело.

Исследование решений магистратских судей г. Твери позволяет говорить, что они ограничивались чаще всего взятием с человека, по вине которого произошёл пожар, подписки, что впредь он будет более осторожным. Принимаемые ими решения не вели к взысканиям и, тем более, к суровым наказаниям, более того они заканчивались обычно закрытием дел. Чаще всего причиной закрытия было отсутствие явных причин пожара. Но даже в тех случаях, когда пожар был следствием чьей-либо неосторожности, виновники возгорания не несли наказания, поскольку доказательств преднамеренности поджога обычно не обнаруживалось. «Лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного», – таков был главный принцип городского судопроизводства. Принимаемые решения о взятии обещания, что впредь виновник возгорания будет более внимательным, которые имели своей целью внушение правил поведения и обращения с огнём, должны были воспитывать чувство ответственности перед членами своей семьи и соседями.

Следует отметить, что статьи законов, которые предусматривали сколько-нибудь серьёзные наказания, вообще не упоминались в судебных решениях, т. е. возможность их применения даже не предусматривалась в ходе подготовки судебного заседания.

При всей многочисленности судебных решений по делам о пожарах, имеющих в нашем распоряжении, лишь в одном из них приводятся полные тексты тех статей законодательства, которые в принципе позволяли достаточно серьёзно наказывать виновников пожара. Не составляет труда в тексте решения магистрата почувствовать открытую вражду родственников, пытающихся свалить один на другого вину за возникновение пожара.

³⁹ Там же. Л. 167–168об.

⁴⁰ Там же. Л. 79–81.

Так, 6 сентября 1845 г. в Заволжской части г. Твери произошёл пожар, от которого пострадали дом мещан Курковых, а также комплекс надворных построек, принадлежащих солдатке Екатерине Алексеевой Пешехоновой⁴¹. Следствие производил частный пристав городской полиции Фёдоров. Он выяснил, что владелицей дома, где начался пожар, считается Пелагея Лукина Куркова, которая к моменту пожара уже умерла, в её доме жили её муж Андреян Фролов Курков, а также две дочери: незамужняя Елена и Анна вместе с мужем Арсением Поповым и одиннадцатилетним сыном. А. Курков на следствие показал, что 6 сентября в середине дня «часу в первом или двенадцатом занимался он по мастерству своему писанием икон. Вдруг зять его тверской мещанин Попов закричал: “Горим!”. Испугавшись сего, не успел он ничего вытащить из имения и едва мог спасти свою жизнь». Курков заявлял: «Пожар начался вероятно от неосторожности жившего в задней комнате зятья Попова, который занимается портным мастерством и у него для утюга с самого утра топилась лежанка». Курков практически возлагал вину за пожар на своего зятья, а его незамужняя дочь Елена подтвердила показания отца.

Зять Арсений Кузьмин Попов в свою очередь склонен был считать, что причиной пожара стала привычка его тестя хранить в чулане выгребаемые из печи угли, с тем, чтобы использовать их позднее для самовара.

Соседка Курковых Пешехонова, пострадавшая от пожара, заявила, что она допускает возможность начала пожара от печи, где грелся утюг или от углей, и сожалеет о понесённом ею убытке в 300 руб. ассигнациями⁴², но никого не подозревает в злоумышленном поджоге.

Учитывая косвенные взаимные упреки проживающих в доме людей в халатности, суд подверг опросу соседей, названных поименно, всего 9 человек. Они лишь пересказывали причины, изложенные погорельцами, описывали картину, которую они увидели, когда прибежали на место пожара. Все они подтвердили, что «имения ж Курков и зять его Попов никакого вытащить не успели, а едва могли спасти свою жизнь», что, видимо, являлось косвенным подтверждением не причастности того и другого к возникновению пожара. очевидцы пожара подтверждали суммы понесённых убытков, названные Курковыми и Пешехоновой.

Выписка из законов, которая была составлена в ходе расследования данного дела, имеет значительные отличия от выписок, находящихся в составе других дел. Обосновывая своё окончательное решение статьёй 1176 пятнадцатого тома Свода законов, позволявшей оставлять без наказания жителей дома, откуда начался пожар, суд, тем не менее, рассматривал возможность их наказания на основании других статей закона, основываясь на статьи 1777 и 2116 15-го тома Свода законов. Первая из них допускала возможность оставлять человека под подозрением «ибо в последствии времени могут открыться противу его новые улики, по коим поручители должны быть обязаны представлять его к суду или же давать ему присягу для очищения подозрения». Вторая была ещё более сурова и предполагала наказание за халатность и неосторожность в виде ареста от 7 дней до 3 месяцев либо в форме штрафа в размере от 10 до 100 руб.⁴³

На произведённых очных ставках каждый, и Курков и Попов, отрицали свою вину и в итоге пришли к мнению, что «пожар произошёл более от судьбы божи-

⁴¹ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1 Д. 2855. Л. 231–235 об.

⁴² У неё сгорели амбар, хлев и забор, которым они были огорожены.

⁴³ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1 Д. 2855. Л. 233 об.

ей»⁴⁴, что позволило суду прийти к традиционному решению о закрытии дела. «Принимая в соображение 1176-ю статью 15 тома законов уголовных, освободив их от наказания, случай пожара по 1177 статье того же тома передать воле божьей».

Подводя итог, можно с уверенностью говорить о том, что дела о пожарах практически во всех случаях не рассматривались в полной мере. Даже введение практики утверждения решений магистратского суда резолюцией губернатора не привело к ужесточению наказаний за халатность, ставшую причиной пожара⁴⁵. Статьи законов, предусматривавшие карательные меры, судьи использовали, как аргументы, лишь в том случае, если пострадавшие от пожара пытались добиться компенсации или свести счёты с человеком, по вине которого, как они считали, произошло возгорание. Но даже тогда окончательное решение всё же носило гуманный характер. Вводя ссылку на пункт закона, предусматривающий наказание, судьи как бы демонстрировали, что знают «эту букву закона», но решение все же принимали исходя из реально существовавших представлений о добре и зле и «о воле божьей». Выстраиваемая ими логика была такова: можно кого-либо наказать, например штрафом, или оставить в «сильном подозрении по предмету неосторожности обращения с огнём» (ст. 1177), но поскольку «лучше освободить от наказания десять виновных, нежели приговорить невинного» (ст. 1176), то лучше закрыть дело, объяснив его «волей божьей» (ст. 1211).

При том что пункты законодательства предлагали самые разные решения конфликтных ситуаций, возникающих в связи с пожарами, судьи тверского городского магистрата для обоснования своего решения, выбирали те из них, которые позволяли полностью оправдывать даже тех, кто признавал свою неосторожность в обращении с огнём. Даже штрафа на них не налагали. Видимо такие решения соответствовали уровню развития сознания населения, в том числе правосознания жителей того иного города.

Всё происходящее, в том числе пожары, воспринималось как явления, обусловленные волей божьей. Такое понимание вещей было свойственно и членам магистратов, которые разбирали дела о пожарах и выносили решения по ним, а также соседям погорельцев. Вероятно, все опасались, что в следующий раз по той же воле божьей причиной большого пожара может стать возгорание на территории их усадеб.

При этом вводимое в 1840-е гг. детальное исследование причин со стороны полиции и взятие подписок, обязывавших виновников впредь быть более осторожными, должно было постепенно сформировать иное мировосприятие, внушить обывателям то, что причины вызваны сугубо материальными факторами, в том числе небрежностью, безразличием к состоянию своего хозяйства, в частности дымовых труб. Воспитание дисциплины и чувства ответственности, борьба с халатностью, – таким начинается суть и цель следственных и судебных мероприятий, проводимых в связи с происходившими пожарами.

Литература:

- Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1.
Виноградова Е.И., Виноградов А.Д. Тверь XVI–XVIII вв.: Очерки истории и экономики. Тверь, 2002.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 175. Оп. 1 Д. 2855. Л. 233.

⁴⁵ Резолюция ставилась на верхнем поле первого листа судебного решения – особого определения магистрата.

Слаутинский С. Пожары и поджоги в провинции. М., 1862.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

Френк С. Поджоги в провинциальной России в конце XIX – начале XX века (по материалам Рязанской губернии) // Региональная история в Российской и зарубежной историографии. Рязань, 1999.

Шацлло К.Ф. 1905 год. М., 1980.

N.V. Sereda

«TO PUT THIS UNFORTUNATE CASE ON ORDEAL TRIAL»

Summary

The author argues that fires in Tver were most frequently caused by the fact that fire hazardous craftsmen shops were located in close proximity to the dwelling areas. Quite often fires were caused by dwellers' careless treatment of the stoves and cracks in the chimneys. The author examines attitudes of the town-dwellers and town authorities to the cases of unintended fire-starting and claims that such recklessness was not punishable.

Keywords: town way of life, town building, fire investigation, measure of punishment, law application practice, common law, mentality of citizens
